

Постмодернизм и христианство

Автор: В. А. БАЧИНИН

Три этапа эволюции модернизма

Модернизм как культурный стиль существует уже полтора столетия - с середины XIX до начала XXI в. За это время он прошел через три естественные возрастные стадии - юность, зрелость и старость, каждая из которых заняла в среднем полвека, у каждой из них обнаружились свои особенности и появилось собственное название: 1) *ранний модерн*, или *протомодерн*, 2) собственно *модерн*, или *зрелый модерн*, 3) *поздний модерн*, или *постмодерн*.

Этим трем стадиям соответствуют три социально-исторических фазы. Эпоха *протомодерна* совпала с последней ступенью перехода западного мира от традиционного общества к обществу индустриальному. *Зрелый модерн* был одновременно периодом развертывания и реализации всех возможностей индустриального общества - как положительных, так и отрицательных. *Поздний модерн*, или *постмодерн*, хронологически совпал со временем перехода к постиндустриальному, информационному обществу.

Данная хронология - не единственная и общепризнанная. Возможны и другие хронологические рамки модернизма укрупненных масштабов. Так, имеются основания предполагать, что каждому из трех периодов эпохи модерна следует отвести по целому столетию: протомодерну - XIX век, зрелому модерну - XX век, постмодерну - XXI столетие.

Подобный взгляд действительно возможен. Существуют исследования, в которых утверждается, что точкой отсчета истории модерна (протомодерна) является 1789 г. - время начала Великой французской революции. С равным успехом можно утверждать, что модерн вошел в полную силу и превратился из раннего в зрелый с началом Первой мировой войны, то есть с 1914 г. И наконец, для начала эпохи постмодерна тоже имеется свое знаковое событие. История здесь постаралась и предложила дату поистине всемирного масштаба - террористический авиатаран двух нью-йоркских небоскребов в сентябре 2001 г. Как бы то ни было, но в любом случае современный человек может с уверенностью утверждать, что живет в эпоху постмодерна.

Суть модернизма - апостасия

Понятие постмодерна вторично. Оно производно от слова *модерн* и не может быть адекватно понято без отчетливого представления о том, что такое модерн.

Метаморфозы, переживаемые человеческим духом на протяжении всей эпохи модерна, весьма серьезны. Их суть - в отходе западного и российского культурного сознания от традиций классического христианства. В этой динамике апостасии (богоотступниче-

Б а ч и н и н Владислав Аркадьевич - доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Социологического института РАН (Санкт-Петербург).

ства) произошел распад целостного универсума тех норм, ценностей и смыслов, которые составляли основание классической культуры. Одновременно из разрозненных остаточных форм традиционного культурного мира возникало множество новых причудливых комбинаций. Этот процесс повсеместно происходил во всех сферах культуры - в философии, литературе, изобразительном искусстве и т.д.

На этапе раннего модерна еще не наблюдалось окончательного разрыва с эпохой классики. Творческие идеи и принципы великой культурно-исторической триады "Афины-Рим-Иерусалим" еще не были вычеркнуты из культурной памяти модернистски ориентированного сознания. Вместе с тем многое уже начало изменяться в самом духе времени и в умонастроениях художников и мыслителей. Прежние нормативно-ценностные константы стали утрачивать свою императивность, и культурное сознание становилось все более раскованным. Универсум высших смыслов, осененных авторитетом классических христианских традиций, медленно распадался. Художники утрачивали доверие к нему, а заодно и к окружающей их реальности. Ценностные ориентиры культурного сознания стали перемещаться из сферы серьезного мироотношения и соответствующих ему творческих установок в игровую сферу, где творческая свобода становилась практически беспредельной.

С позиций христианского сознания эпоха модернизма - последний акт великой исторической мистерии, завершающая фаза раскола между Богом и человеком. Раскол этот обнаружил свою разрушительную силу, когда человек вообразил, что Бог "мертв", а личное и государственное безбожие стало почти повсеместно превращаться в норму общественной жизни.

Модернизм предстал как эстетика соблазна, оправдывающая бесчисленные повторения одного и того же экзистенциального эксперимента: философы, художники, писатели, поэты стали воображать, каким может быть мир без Бога и без Христа. Модернистское художественно-эстетическое сознание погрузилось в производство артефактов - книг, картин, спектаклей и т.п., в которых тиражировались герои, живущие так, будто Иисус Христос никогда не существовал и не было почти двух тысячелетий истории христианской цивилизации.

Незаметно для себя человек оказался жертвой собственного разыгравшегося эстетического и метафизического воображения, презревшего священные запреты и двинувшегося по пути вседозволенности. Для модернистского сознания стали привычными акты метафизического террора и эстетического вандализма. Они совершались на протяжении жизни нескольких поколений философов и художников, особенно тех, кто не желал соглашаться, что Бог онтологически бессмертен и неуязвим и в принципе не может умереть. В конечном счете единственное, что удавалось каждому из субъектов модернистского сознания в отдельности, - это "убить" Бога внутри своего культурного мира, погрузить этот мир в состояние сиротства и беспросветной тьмы. Если в эпоху классики человек сознавал себя благоразумным субъектом, последовательно восходящим по ступеням исторического прогресса, то в постклассическом духовном пространстве он стал ощущать себя существом, выпавшим из некогда прочных, классических нормативно-ценностных структур и оставшимся беззащитным перед одолевающими его "бесами" саморазрушения, безумия и вседозволенности.

Лики постмодернизма

Постмодернизм не следует понимать как качественно новую культурную парадигму. Чтобы приобрести подобный статус, надо было оставить позади все модернистские клише. Но этого не случилось. Сохраняющаяся зависимость от модернизма и вместе с тем относительная свобода от него позволяют квалифицировать постмодерн как *культурную субпарадигму*.

Стремительное вхождение понятия "постмодернизм" в лексикон современной интеллигенции говорит о ее морально-психологической усталости от безбрежного нигилизма, оголтелой вседозволенности и расхристанности модернистской культуры и о жела-

нии поскорее "забросить за хребет" все это. Обнаружилась ностальгия по духовному наследию классического прошлого. Представители большинства национальных форм культуры, искусства, философии определили собственную идентичность, осознав личную укорененность в духовном опыте прошлого и готовность черпать материал из этой кладовой. Но при этом обнаружилось, что постмодернистское сознание не может разорвать прочную связь, соединяющую его с миром модерна и с его стереотипами. Не желая заботиться ни о смысловых соответствиях, ни о гармонических пропорциях своих построений, оно продолжает производить многочисленные философские штудии и художественно-эстетические опусы, в которых замутненные смыслы нередко граничат с бредом и безумием.

Для культуры, пребывающей в подчинении у новообразующейся субпарадигмы постмодерна, характерны следующие черты и свойства:

- она не стремится обрести устойчивые, ясно выраженные стилевые признаки подобно растекшемуся чернильному пятну или бесформенной туманности;
- вектор культуротворческих устремлений вновь, как в эпоху классики, направлен прочь от хаоса, навстречу порядку. Однако теперь, на излете эпохи модерна, культурное сознание пришло к отчетливому пониманию ценности хаоса, его продуктивности и эвристичности. На этой волне стала успешно набирать силу новая научная дисциплина - синергетика, а в метафизической сфере широко распространился особый стиль философствования в виде склонности к манипуляциям "обломками" смысловых, ценностных, нормативных структур и извлечениям из этих игр разных по своей значимости познавательных и эстетических эффектов;
- обнаруживается тенденция движения от капризной мозаичности и беспринципной коллажности к симфонизму. Культурный мир - это уже не хаос, но пока еще и не космос, а нечто среднее между ними с явно выраженной динамикой возрождения порядка, некогда разрушенного модернизмом;
- философско-эстетическое сознание, пока еще пребывающее в плену симпатий к смысловым неопределенностям (ризомам) и лабиринтам, обнаруживает установку на поиск новых форм системности.

Эпоха постмодерна выступает как время становления нового типа порядка, не похожего на порядок классического типа, некогда разрушенный модерном. Культурное сознание пребывает в состоянии перехода от былых противопоставлений принципов порядка и хаоса к примирению этих двух начал в содержании третьего - хаосмоса. Соединение моделей хаоса и космоса делает лабиринт символом культуры постмодерна.

Реальное пространство постмодернизма оказалось гораздо шире тех сугубо культурологических границ постфрейдистского и постструктуралистского характера, которыми его пытались огородить Ж. Деррида, Ж. - Ф. Лиотар, Ж. Лакан, Ж. Бодрийяр и другие европейские "отцы" постмодерна. Это особенно отчетливо видно с христианских позиций.

Когда во второй половине XX в. нигилистический задор модернизма стал иссякать, как бы пресытившись свободой от культурных традиций, канонов и религиозно-нравственных норм, внутри него начались некие мутации. Обнаружилось несколько основных тенденций в динамике культурных изменений, характеризующих духовное пространство постмодерна в свете его отношений с христианством: сохраняющееся brutальное богоборчество в русле демонодией ("оправдания демонов"); академический и бытовой секуляризм с демонстративно-индифферентным отношением к христианским ценностям; неоязычество; новое богоискательство.

Эти четыре лика постмодерна - демонический, секулярный, неоязыческий и богоискательский - придают ему чрезвычайную пестроту, противоречивость и неустойчивость. Все они сохраняют свои связи с модернизмом как таковым, не обнаруживая явной готовности перешагнуть через него и хотя бы в какой-то мере возвыситься над его стереотипами. Они лишь усугубляют его кризис, с предельной отчетливостью прорисовывая траекторию его нисхождения. Лишь в последнем направлении присутствуют сла-

бые попытки культурного сознания повернуться хотя бы в пол-оборота в ту сторону, где, по его мнению, должен пребывать Бог.

Весь этот спектр позиций вместе с сопутствующей им апологией плюрализма и полипарадигмальности свидетельствует не о духовном благополучии, а о кризисном состоянии общества эпохи постмодерна. Наличие множества конкурирующих между собой, но в равной мере малопродуктивных мировоззрений, отсутствие взаимного доверия между представителями альтернативных объяснительных моделей - серьезные препятствия на пути к общественному согласию по многим острым вопросам современной жизни.

Рецидивы богоборчества и демонизации постмодернистского мышления

Ряд постмодернистских концептов носит саморазоблачительный характер, не оставляя никаких сомнений относительно их антихристианской природы. Это относится, например, к понятию "бесовской текстуры", введенному в тезаурус постмодернизма французским культурологом-лингвистом Р. Бартом. По мнению Барта, большинство современных текстов не подчиняются требованиям строгой структурности, а напоминают образчики неких локальных *микрочаосов*. При этом исследователь ссылается на исходное латинское значение слова "текст", которое буквально означает "переплетение нитей" и указывает на то, что в тексте переплетаются между собой разные смысловые и ценностные линии и возникает нечто особое, далекое от истинного порядка и внутренней гармоничности [Барт, 1989].

Согласно Барту, суть постмодернистского текста раскрывается благодаря известному месту из Евангелия от Марка. Когда Иисус обратился к духу нечистому с требованием назвать свое имя, тот ответил: "... легион имя мне, потому что нас много" (Мар. 5, 9). В данном случае сама эта попытка одного из "отцов постмодернизма" применить подобную метафору к тексту как ключевой культурной форме - красноречивое свидетельство демонизации секулярного постмодернистского мышления.

Многие из тех, кого считают корифеями постмодернизма, - не более чем поздние модернисты, сумевшие на финишной прямой модерна "раскрутить" несколько амбициозных проектов. Таков, к примеру, Ж. Делез, для которого Бог и душа - фикции, поскольку человек не располагает опытом, подтверждающим их существование. В глазах Делеза наиболее важны не понятия Бога, порядка и рациональности, а категории беспорядка, безумия и интеллектуального номадизма, то есть спонтанного блуждания ищущей мысли. Абсолютно свободная, эта "номадическая" мысль движется "без руля и без ветрил", не видит маяка, не ориентируется по звездам, а кочует от предмета к предмету, никем и ничем не сдерживаемая и сама не ведающая того, что ей надобно [Делез, Гваттари, 1990].

Если на небосклоне классической мысли всегда присутствовал Бог, служивший для нее главным ориентиром, то номадическое, кочующее мышление не регулируется никаким высшим центром, а растекается по миру, ни к чему не привязываясь и вбирая любой опыт, попадающийся ему на пути, - независимо от того, положительный он или негативный. Такое мышление ведет себя как безумец или малое дитя, готовое не только взять в руки, но и положить себе в рот что угодно, даже если это невообразимая мерзость, к которой нормальный, здравомыслящий человек не в состоянии даже прикоснуться.

"Отцы" постмодернизма утверждают, что суть их мышления составляет свободное конструирование смыслов, не смущаясь тем, что в результате таких усилий чаще всего возникают многочисленные химеры, несущие в себе дух тьмы и хаоса. Когда Делез называл себя "лекарем цивилизации", то самое большое, на что его хватало, - это создание "клинических картограмм", свидетельствующих о разнообразных заболеваниях современного мира. При этом он откровенно признавался, что его усилиям не подвластны не только мир и социум, но и логика его собственной мысли. Делез сравнивал ее с порывами ветра, дующими в спину. И часто, думая, что находится в порту, он обнаруживал, что уже давно несется по открытому морю "без руля и без ветрил".

Все, на что оказался способен постмодернизм в его жесткой, демонической версии, - создание новых метафор, описывающих старый феномен безбожного рассудка, балансирующего на грани безумия. Сжегший мосты, разрушивший маяки, выбросивший за борт паруса, весла и якоря, этот рассудок - плохой союзник в деле излечения и спасения мировой цивилизации. Он не способен спасти не только ни одно человеческое сообщество, но даже ни одну человеческую душу. И судьба самого Делеза, под конец жизни действительно сошедшего с ума и покончившего с собой, - красноречивое тому доказательство.

Академический секуляризм

Представители данного направления продолжают двигаться в прежнем атеистическом русле, характерном для всей культуры модерна. К ним подходит название *поздних модернистов*. Оно точнее, чем *постмодернисты*, поскольку отображает неспособность шагнуть за рамки модернистской парадигмы в понимании самых главных, краеугольных вопросов бытия. Ключевую проблему западной культуры, касающуюся бытия Бога, академический секуляризм продолжает решать отрицательно. Его представителям может быть и хотелось бы стать "суперсекуляристами", но обнаружились пределы, за которые невозможно перешагнуть.

Американский социолог П. Бергер утверждал, что абсолютная дехристианизация современного мира, в первую очередь западного, невозможна. Причина в том, что внутренний опыт веры в человеке неистребим. Его не способны заменить никакие, даже самые совершенные рациональные структуры. Бергер, правда, не учитывает того, что дехристианизация может двигаться и другими путями - через подталкивание людей на стезю нетрадиционных культов, демонизма, неоязычества и т. д. [Berger, 1967].

Постмодернистское неоязычество

Когда в абсолютном большинстве государств, принадлежавших по своему происхождению к христианской цивилизации, ценности классического христианства оказываются преданы забвению, на передний план выдвигаются ценности секулярные и неоязыческие.

Одним из важных социальных свидетельств объединения двух начал - постмодернистского и неоязыческого - стала западная "сексуальная революция" 1960-х гг., когда обнаружилась прямая причинно-следственная связь между секуляризацией и половой распушенностью.

В Европе нечто подобное, правда, меньшее по масштабам, охватившее только высшие социальные слои, имело место в XVIII в., в эпоху французского рококо. Если спросить - "Почему XVIII в., век Просвещения и культа разума, стал временем невиданной половой распушенности, веком маркиза де Сада?", то ответ будет один: это был век мощной волны секуляризации, когда разум стал напористо вытеснять веру. А с исчезновением веры у миллионов людей исчез страх Божий, то есть страх перед нарушением Божьих заповедей, в том числе запрета "не прелюбодействуй".

Можно сказать, что эпоха постмодерна началась с сексуальной революции, и опять в той же Франции. Секуляризм в своем продвижении в массы обнаружил верного союзника - неоязычество, проявления которого в современной социальной и духовной жизни наблюдаются повсеместно. Засилье астрологии, распространение всевозможных суеверий - не случайные модные поветрия. Для массового человека постмодерна Бог по-прежнему "мертв", а Христос не воскрес. Именно поэтому время постмодерна стало фактически *языческим ренессансом*.

Постмодерн с его неоязычеством предоставил широчайшее мотивационное обеспечение половой распушенности в самых разных формах, начиная с сексуальной революции вплоть до невообразимого распространения проституции. Следует помнить, что именно языческие культы всегда поощряли половую распушенность и даже сакрализо-

вали ее, практикуя праздничные вакханалии и оргии, а также храмовую, культовую проституцию.

Иногда современные ученые говорят о том, что в легализации сексуальной свободы, проституции и домов терпимости нет ничего дурного, и указывают в качестве цивилизационных прецедентов на ритуальную проституцию в Финикии, Шумере, Вавилоне. Но при этом забывают об одной существенной детали: это были *языческие* цивилизации.

Библия подняла человеческий дух, а с ним и половую мораль на новую ступень. Библейское Моисеево право бескомпромиссно во всех вопросах, касающихся любых форм половой распущенности. Христианство следует тем же путем. Оно создало все необходимые духовные предпосылки для развития здоровой половой морали. Но когда сегодня многие диспутанты, ратуя за легализацию борделей, именуемых домами терпимости, апеллируют не к христианским, а к языческим ценностям, они делают это по той причине, что чувствуют себя живущими внутри "постхристианской" культуры, то есть культуры *неоязыческого ренессанса*.

Новое богоискательство

Постмодернизм - эпоха обретения миллионами людей тяжелого, сумрачного опыта жизни без Христа. И хотя подобный опыт предельно отягощает человеческое существование, его воздействие на современную культуру пока еще не смертельно. Оно похоже на воздействие, произведенное Иудой на Христа и апостолов. Несмотря на предательство, Иуда не изменил направления того пути, по которому шел Иисус, не поколебал веры апостолов. Модернизм, предавший Бога и Христа, умирает на рубеже тысячелетий столь же бесславно, как и предатель Иуда. А в явившемся ему на смену постмодерне есть признаки присутствия чего-то обнадеживающего. Состояние постмодерна похоже на состояние утопающего, который еще не знает, что будет спасен. В этих условиях о себе заявляет особый тип постмодерниста, мыслителя или художника, из уст которого вырывается: "Господи, верую! Помоги моему неверию!". Его роль сопоставима с ролью библейского блудного сына, прошедшего через испытания всеми возможными соблазнами, пресытившегося свободой, уставшего от странствий и возмечтавшего о возвращении в отчие пенаты. Так заявила о себе одна из самых обнадеживающих и перспективных интенций постмодернизма - интенция *нового богоискательства*. Она демонстрирует логику действительного расставания культуры с модернизмом, который успел полностью "выговориться", утолил все свои притязания, исчерпал все потенциалы и в какой-то мере устал от самого себя.

Постмодернистское богоискательство продолжает вести столь характерную для всего модерна линию переоценки ценностей, делящуюся со времен Ф. Ницше. Но на этот раз предметом переоценки стали ценности самого модернизма, и возникла ситуация самоотрицания, породившая, по словам Ю. Хабермаса, "модернизм наоборот", то есть постмодернизм [Хабермас, 1995].

Уже в самом понятии постмодернизма присутствует надежда на то, что модернизм в его наиболее одиозных формах уже изжит, что эпоха его всевластия наконец-то позади, что пришло новое время, когда должны обнаружиться иные, отнюдь не модернистские, свойства культурной жизни. В этом контексте и заявило о себе новое богоискательство на Западе и в России.

Постмодернизм в его богоискательской ипостаси оказался, как и зрелый модерн, открытой системой умонастроений. Но эта открытость уже иного рода: если зрелый модерн служил в первую очередь для деструктивных инноваций, то постмодернистское богоискательство демонстрирует *конструктивную* устремленность. Оно готово к восстановлению оборвавшихся связей с классическим прошлым, в том числе с ценностями христианства.

Христиане относятся к богоискательству современных постмодернистов без особого сочувствия. Причина в том, что новые богоискатели чаще всего ищут лекарство, способное исцелить больной дух современной культуры, не в первородном, библейском

христианстве, а за его пределами. Однако за пределами христианства господствует та же среда, которая некогда отравила культуру и до сих пор удерживает ее в состоянии духовной немощи. Культуре, чтобы исцелиться, необходимо дышать чистым воздухом христианского откровения веры, черпать силы из его чистого источника. Однако лучшее, на что пока способно постмодернистское сознание, - оперирование квазихристианскими категориями и манипуляции различными симулякрами, имеющими весьма отдаленное сходство с христианскими понятиями. Так, вместо Бога как Личности, как Субъекта, с Которым можно вступать в диалог, многие постмодернисты склоняются к пантеистическому, безличному пониманию Бога, Они выказывают довольно пренебрежительное отношение к разуму и истине, рассматривая их как что-то необязательное, и строят на этом основании свою апологетику принципов плюрализма и мультипарадигмальности. Между тем для христианского сознания все то, что не совпадает с библейской истиной, - либо заблуждения, либо ложь.

Для постмодернистского сознания характерны "своеобразные восторги по отношению к Христу". Они выглядят, как восхищение нравственной гениальностью человека по имени Иисус. Но поскольку постмодернист далек от веры в воскресшего Христа, его Иисус не имеет ничего общего с действительным Сыном Божиим Нового Завета.

Постмодернистское сознание, размышляющее о нравственности и любви, не связывает их с жертвой Христа. В этих размышлениях отсутствует вера в Бога, пришедшего на Землю, чтобы помочь людям в тяжелой борьбе с их собственной греховной природой. Более того, оно фактически не признает библейского учения о первородном грехе, воскресении мертвых и вечной жизни. Все это приводит к тому, что богоискательские инициативы постмодернистского сознания не дают должных духовных плодов.

Постмодернизм в свете категории аномии

Если в рамках протомодерна традиции еще довели над новациями и содержание творений культуры, появившихся в тех условиях, отличалось значительной духовной насыщенностью, то в условиях зрелого модерна новациям удалось опрокинуть абсолютное большинство культурных традиций, перешагнуть через них и устремиться навстречу безрелигиозной пустоте, которая зачастую проявлялась как имморальность и духовная нищета содержания создаваемых артефактов. Для постмодерна характерна совершенно особая атмосфера интеллектуальных игр как с "обломками" классических артефактов, так и с подложными разновидностями общепринятых ценностей. Типичной формой постмодернистского культуротворчества становится жонглирование фальшивыми двойниками ("симулякрами") бытующих смыслов, ценностей и норм. Сам факт их появления и распространения свидетельствовал о том, что на культурное сознание легла печать "разорванности", превратив его в подобие "сумасшедшего фортепиано" из "Племянника Рамо" Д. Дидро. Все это позволяет говорить о том, что религиозно-этическая парадигма, внутри которой пребывает культура постмодерна, - это *парадигма аномии* (беззакония).

Современная социогуманитарная мысль располагает несколькими концептуальными моделями аномии - библейскими (ветхозаветными и новозаветными) теологемами, философскими конструкциями и социологическими построениями. Характерно, что разработанные в новое и новейшее время концепции аномии, несмотря на широту проблемного охвата и основательную теоретическую фундированность, не выходят за пределы библейского понимания этой проблемы. Единственное, чем отличаются некоторые из них, так это противопоставлением библейскому пафосу осуждения аномии, дерзкими и самонадеянными попытками ее восхваления.

В Ветхом Завете аномия-беззаконие означает прежде всего действия индивидов и масс, идущие вразрез с волей Бога, нарушающие Его повеления. Субъектами беззакония выступают те, кто не выполняет заповедей, данных Богом, кто виновен в грехах, пороках, преступлениях. Если номос (закон) в библейском значении - это прежде всего Закон Божий, то аномия (отрицание закона) - нарушения Закона Божьего. Подобные

нарушения могут быть обусловлены либо бессознательной духовной слепотой, либо банальной небрежностью, легкомысленным попустительством, либо же сознательно учиняемой несправедливостью и намеренной богоборческой дерзостью.

О последствиях, которые может порождать ситуация аномии, рассказывают библейские истории Всемирного потопа и гибели Содома и Гоморры. В обоих случаях степень богоотступничества и нравственного падения абсолютного большинства людей, мера их погруженности в состояние беззакония оказались столь велики, что Бог вынужден был сурово наказать виновных. "И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время. И раскаялся Господь, что создал человека на земле, и воскорбел в сердце Своем. И сказал Господь: истреблю с лица земли человеков, которых Я сотворил, от человека до скотов, и гадов и птиц небесных истреблю; ибо Я раскаялся, что создал их" (Быт. 6, 5 - 7).

Сходная картина, но уже в меньших масштабах, возникает при каре, обрушившейся на жителей Содома и Гоморры. "Жители же Содомские были злы и весьма грешны перед Господом" (Быт. 13, 13). "И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем серу и огонь от Господа с неба, И нипроверг города сии, и всех жителей городов сих, и произрастения земли" (Быт. 19, 24 - 25).

В Новом Завете понятие беззакония (аномии) встречается достаточно часто. При этом оно используется в нескольких значениях. Его употребляет Иисус Христос по отношению к тем, кто не исполняет волю Отца Небесного: "И тогда объявлю им: "Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие"" (Мат. 7, 23). Им пользуется апостол Петр, говоря о грешниках, "которые идут вслед скверных похотей плоти, презирают начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших... Они получают возмездие за беззаконие" (2 Пет. 2,10,13).

Апостол Иоанн формулирует определение аномии, отождествляя ее с грехом: "Всякий, делающий грех, делает и беззаконие; и грех есть беззаконие" (1 Иоан. 3, 4). Апостол Павел говорит о полярности беззакония и праведности, о недопустимости их сочетаний: "Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света со тьмою?" (2 Кор. 6, 14).

Между ветхозаветным и новозаветным подходами к теме беззакония нет принципиальных различий смыслового, ценностного или нормативного характера. В том и другом доминирует пафос однозначного, безоговорочного осуждения всех форм беззакония в жизни людей.

Основные стилевые признаки культуры постмодерна таковы, что полностью вписываются в контекст парадигмы аномии:

- аномативность как творческая вседозволенность;
- необоснованные претензии на содержательную многомерность, смысловую многозначность создаваемых творений, превращение их в подобия неких лабиринтов, внутри которых зритель или читатель может долго блуждать без всякой надежды выбраться к свету понимания;
- отрицание всех существующих ценностных иерархий, духовная опустошенность тех остаточных ценностных и нормативных форм, которые еще сохранились в рамках произведений;
- открытость, разомкнутость интеллектуальных и художественных форм, их способность эволюционировать в самых разных направлениях, в том числе по пути, ведущему к их саморазрушению и самоуничтожению.

Постмодернизм как геокультурная девиация и собирательный грех мировой цивилизации

Полтора столетия господства модернизма - самая бесславная эпоха в истории христианского мира, когда в массовом сознании утвердилось и стало господствовать убеждение, будто Бог "мертв", а дьявол здравствует. Постмодернизм рубежа тысячелетий предстал как *финальная фаза апостасии*, как мир нравственных, интеллектуальных и

художественных извращений, в основе которых всегда лежит одна и та же причина - отступление людей от Божьих заповедей, от требований Божьей воли.

Постмодернизм может быть квалифицирован одновременно и как *геокультурная девиация*, и как *общественный, корпоративный грех мировой цивилизации*. Его греховность двояка. С одной стороны, он - греховное порождение мира, лежащего во зле, а с другой - *греховное самосознание греховной культуры*. Постмодернизм создал философию, которая стала интеллектуальной апологией корпоративной греховности. Его неотъемлемыми составляющими выступают литература и искусство, также выполняющие апологетическую функцию относительно постмодерна в целом.

Вл. Соловьев использовал понятие *общественного греха*, когда рассуждал о причинах гибели Византии. "Царства, как собирательные целые, - писал он, - гибнут только от грехов собирательных - всенародных, государственных - и спасаются только исправлением своего общественного строя или его приближением к нравственному порядку" [Византизм... 2001, с. 159]. Так, согласно Соловьеву, главным собирательным грехом Византии явилось "полное и всеобщее равнодушие к *историческому деланию добра*, к проведению воли Божией в собирательную жизнь людей" [Византизм... 2001, с. 160]. К этому следует добавить, что от собирательных, общественных грехов, то есть из-за непростительных отклонений от должного, угодного Богу, погибла не только Византия, но и Российская империя, а почти век спустя - и империя советская.

Современное секулярное сознание не желает понимать того, что эпоха модерна совсем не случайно совпала с невиданными по размаху глобальными бедствиями человечества - эпохой великого возмездия за все безумные попытки покушений на Бога.

Понятие сверхличного, надындивидуального греха не обошел своим вниманием и один из крупнейших христианских мыслителей современности - Иоанн Павел II. В своих посланиях-энцикликах он употреблял понятие *социальных греховных структур*. Под ними понтифик понимал те общественные формообразования и силы, которые оказывают гнетущее воздействие на высшие человеческие дарования, подавляют способности и таланты людей. К ним он относил коммунистическую и либерально-буржуазную идеологию, а также те многочисленные формы социального общежития, далекие от совершенства и приносящие людям больше вреда, чем пользы. Эти греховные структуры отягощают социальную и духовную жизнь человечества, привносят в нее много темного и деструктивного. Поэтому от них необходимо освободиться, проявляя мужество и упорство.

В посланиях "Reconciliatio et panitentia" (1984) и "Sollicitudo rei socialis" (1988) Иоанн Павел II использовал такие понятия, как "социальная греховность" и "греховность системы" [Иоанн Павел II, 2003]. Он писал: "Говоря о греховных ситуациях или выступая против греховности определенных социальных ситуаций и поведения более или менее крупных социальных групп, или даже позиции целых их объединений, Церковь с пониманием заявляет, что эти случаи социальной греховности являются результатом, скоплением и концентрацией многочисленных личных грехов. Это сугубо личные грехи тех, кто способствует и побуждает к беззаконию и даже использует его; тех, кто, имея возможность устранить, исключить или хотя бы уменьшить какое-либо социальное зло, не делает этого по беспечности, из страха или потворствуя закону молчания, по тайному сговору или по равнодушию; тех, кто ищет оправдания в мнимой невозможности изменить мир; а также тех, кто хочет уклониться от действий под предлогом причин высшего порядка" ("Reconciliatio et panitentia", 1984,16).

Эта мысль о существовании прямых, непосредственных связей между греховностью отдельного человека и общественной греховностью важна, когда мы пытаемся постичь религиозно-нравственную природу модернизма. Она позволяет усмотреть ответственность за все, что происходит в культурном пространстве модерна и постмодерна в действиях пребывающих внутри него конкретных людей. "Общественная греховность" культуры модерна состоит в стремлении этих людей подменять Бога идолами. Демонстрируя свою свободу, они могут творить зло, но за это будут лишены спасения.

Аналогичным образом обстоит дело и с такими гигантскими сверхсубъектами, как цивилизации, государства, народы. Те из них, кто отвергает христианские ценности, неизменно становятся заложниками опасных отклонений. Французский философ Ж. Маритэн писал о том, что людям всех культур и цивилизаций возведено только одно имя, которым они могут быть спасены, - имя Иисуса Христа. "Самые могущественные цивилизации, не знающие этого имени, неизбежно уклоняются в том или ином отношении от полного понимания цивилизации и культуры; порядок или свобода делают их одинаково жестокими. Даже подлинно христианская цивилизация не избегает многих случайных изъянов. Но только христианская цивилизация может быть избавлена от существенных недостатков" [Маритэн, 1999, с. 55].

То, что мы вслед за А. Тойнби называем вызовами истории, есть не что иное, как общественные, корпоративные грехи, совершаемые целыми социальными системами, гигантскими сообществами людей. Вызовы возникали на протяжении всей истории человечества. Особенно много их было в XX в., когда они выглядели как революции, мировые войны и тоталитарные режимы. В одном ряду с ними оказался и вызов, брошенный человечеству со стороны постмодернизма. Ответ на этот вызов предполагает энергичные духовные, творческие усилия народов и государств, позволяющие им разрешать обнаружившиеся противоречия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барт Р. Избр. раб. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Византизм и Россия - Византизм и славянство. Великий спор. М., 2001.

Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: анти-Эдип. М., 1990.

Иоанн Павел II (Кароль Войтыла). Соч. Т. I-II. М., 2003.

Маритэн Ж. Знание и мудрость. М, 1999.

Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995.

Berger P. The Sacred Canopy. Elements of a Sociological Theory of Religion. New York, 1967.